

Л. А. ДАШКЕВИЧ

СЕМЬЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КРЕСТЬЯН НА УРАЛЕ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПОДВОРЯНЫХ ОПИСЕЙ
ПОТАШИНСКОЙ ВОЛОСТИ 1805 г.)

Семья как один из важнейших социальных институтов феодальной эпохи стала в последние десятилетия объектом активного исследования историков, этнографов, демографов. Особый интерес ученых вызывает крестьянская семья, которая на протяжении долгого времени была основным хранителем традиционной культуры народа и оказывала сильнейшее воздействие на все стороны общественной жизни. На основе монографических работ советских историков сделана попытка определить общие тенденции развития русской крестьянской семьи и региональные особенности этого процесса в различных местностях России¹. Однако вопрос об особенностях уральской земледельческой семьи, которые могли возникнуть в силу своеобразия географического положения региона (граница между Европейской Россией и Сибирью) и условий социально-экономического развития Урала (крупнейший промышленный центр феодальной России), в литературе лишь поставлен², но в целом по данному району не изучен и не подкреплён достаточной источниковой базой.

История уральской крестьянской семьи находится пока на стадии собирания и осмысления фактов, ввода в оборот новых источников (прежде всего — массовых), которые со временем могут послужить основой для специального исследования. Нами обработаны материалы одного из таких источников — подворных описей крестьян Поташинской волости Красноуфимского уезда Пермской губернии. Цель данной статьи — рассмотреть некоторые аспекты изучаемой темы: численность, структурно-поколенный состав семьи государственных крестьян края, этапы ее типичного жизненного цикла.

¹ Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. М., 1987.

² На путях из земли Пермской в Сибирь. Очерки этнографии северно-уральского крестьянства XVII—XX вв. М., 1989.

Подворные описи крестьянских хозяйств Поташинской волости были составлены в 1805 г. по указу Екатеринбургского горного начальства и явились частью большой работы по подготовке к важнейшей социальной реформе начала XIX в. — отмене института приписных крестьян на Урале. Осуществление этой реформы шло совсем не гладко: сталкивались различные точки зрения, составлялись многочисленные проекты. Автором одного из таких проектов, который в конечном итоге был положен в основу действий правительства, был тобольский, томский и иркутский генерал-губернатор И. О. Селифонтов. Он предлагал заменить приписных крестьян непременно работниками, приписав для этого к заводам ближайшие к ним селения, жители которых, как уверял генерал-губернатор, уже давно одним из главных своих занятий считают подсобные заводские работы³. Для того, чтобы проверить данные, представленные И. О. Селифонтовым, министры финансов и внутренних дел в своем докладе, высочайше утвержденном 23 июня 1803 г., предписали начальникам Екатеринбургского, Гороблагодатского и Богословского горных начальств собрать «предварительные сведения» о том, в каком состоянии находятся «самые селения, близ заводов лежащие и к заводам назначаемые... имеют ли довольное число земли к содержанию своему и покосов, равномерно находится ли у них потребное число лошадей и упряжи для заводских работ»⁴. При этом описанию должны были подвергнуться все крестьянские селения, кроме помещичьих.

Для сбора предварительных сведений второй департамент Екатеринбургского горного начальства своим заключением от 21 сентября 1804 г. постановил направить на частные заводы, имеющие приписных крестьян, горных чиновников, которые вместе с поверенными от заводских контор должны были описать «близлежащие к тем заводам волости и деревни». Все сведения чиновникам надлежало собирать в присутствии поверенных от волости и «удостоверять и производить отображением от самых волостей и селений достаточных свидетельств»⁵. Описание селений, находящихся вблизи казенных заводов, как явствует из этого же заключения, к тому времени уже были выполнены первым департаментом. Результаты всех описаний как по частным, так и по казенным заводам, вместе с сопутствующей им перепиской, составили три объемных тома, которые хранятся в фонде Уральского горного управления ГАСО⁶. Всего в течение 1803—1805 гг. были описаны 160 селений в 15 волостях

---

³ Кривоногов В. Я. Ликвидация института приписных крестьян на Урале: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1947. С. 139—140.

⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 94. Л. 1022.

⁵ Там же. Л. 676.

⁶ Там же. Оп. 3. Д. 94; Оп. 23. Д. 5427, 6230.

Пермской губернии с общим населением 42 тыс. душ обоего пола (примерно 6,5 тыс. крестьянских дворов).

Для описания Поташинской волости, располагавшейся в 70 верстах от Нижнесергинских заводов Губина, решено было отправить майора Зимина, однако тот, сославшись на болезнь, от поручения горного начальства отказался и после длительной переписки с первым департаментом был заменен служащим чертежной майором Исаковым. Лишь в феврале 1805 г. Исаков приехал в Поташинскую волость. Но к описанию он смог приступить не сразу. Как доносил офицер в своем рапорте Екатеринбургскому горному начальству, волостное правление всячески оттягивало начало описания. Сначала правление не допустило его до работы, ссылаясь на то, что он не имеет соответствующего предписания Красноуфимского земского суда. После того как предписание было получено, майору все же не выдали в правлении ревизских сказок. Правление утверждало, что Поташинская волость была создана после того, как проводилась пятая ревизия, поэтому ревизские документы хранились в тех волостях, к которым крестьяне были приписаны раньше. Для того, чтобы собрать сказки, требовалось длительное время. «В разсуждении чего,— доносил Исаков 22 февраля 1805 г.,— дабы по возложенной на меня должности не чинить упущения и какого-либо промедления, за долг я себе почел, ходя по селению, в каждом доме лично обоего пола и со вновь рожденными по их показанию с означением лет описывать со всем имуществом»⁷. Таким путем майор успел описать 323 дома, после чего вынужден был остановить работу. В Поташинской волости, судя по этому рапорту Исакова, находилось два волостных правления: Покровско-Поташинское, которому подчинялись приписные к казенным Юговским заводам и государственные неприписные крестьяне, и Поташинское, ведавшее крестьянами, приписанными к частным заводам.

После того как представитель Екатеринбургского горного начальства начал описание крестьянских хозяйств в целях причисления их к частным заводам Губина, приписанные к казенным заводам крестьяне отправили в Пермское горное правление поверенного с сообщением об этом, и пермское начальство, не знакомое с докладом министров от 23 июня 1803 г., приказало немедленно все работы по описанию прекратить и списки, составленные майором Исаковым, изъять, что и было выполнено Покровско-Поташинским волостным правлением. На выяснение недоразумения ушел месяц, и лишь в конце марта списки вновь выдали офицеру и он смог продолжить работу. В середине мая 1805 г. Исаков был отозван из Поташинской волости для проведения работ по межеванию лесов. К этому времени остались неописанными 40 домов. Описание закончил уже из-

⁷ Там же. Оп. 3. Д. 94. Л. 891.

вестный нам майор Зимин. 19 июня 1805 г. он сообщил во второй департамент Екатеринбургского горного начальства, что «Поташинская волость и с причисленными ко оной деревнями описана»⁸. Всего по волости были собраны сведения о 503 крестьянских дворах в 25 селениях, в которых проживали 3174 чел. (1507 мужчин и 1667 женщин)⁹.

Мы рассматриваем столь подробно обстоятельства составления подворной описи, так как они дают возможность судить о достоверности заключающихся в ней сведений. Можно предполагать, что данные, собранные горным офицером в сопровождении поверенного от заводской конторы Губина при личном осмотре крестьянских хозяйств и засвидетельствованные волостным правлением, а также поверенными от всех деревень, достаточно достоверны и исключают многие недостатки ревизских сказок. Во-первых, в описи указывалась территория действительного жительства людей, а не место их приписки. Если какая-либо семья или один из ее членов переселялись в другое место или просто находились «в бегах», это отмечалось в ведомости. Фиксировались как переселения с разрешения властей, так и самовольные, при этом указывалось последнее место пребывания крестьян. В ревизских сказках, как известно, бывали случаи, когда давно разделившихся родственников при переписи засчитывали как единое семейство. Подворные описи учитывали население каждого конкретного дома, поэтому таких искажений здесь быть не могло.

К сожалению, ведомости не дают возможности в каждом конкретном случае установить, к какому разряду или сословию относился крестьянин, хозяйство которого описывалось. Как сообщало Пермское горное начальство, в Поташинской волости в 1805 г. проживали около 600 душ крестьян, приписанных к частным заводам, и 799 — к казенным Юговским¹⁰. Кроме того, из сообщений майора Исакова видно, что здесь были также государственные неприписные и экономические крестьяне. Очевидно, описанию подверглись все эти категории, так как общее число душ мужского пола, о которых имеются сведения в ведомостях, как уже говорилось, составило более 1500 чел. Описание проводилось по схеме, составленной в соответствии с требованиями, предъявленными министрами в докладе от 23 июня 1803 г. Кроме номера дома, фамилии, имени и отчества владельца и членов его семьи, указывались возраст каждого, состояние хозяйства (число голов лошадей, рогатого скота, овец, свиней, домашней птицы, площадь пашни и сенокоса, урожай хлеба, технических культур, количество поставленных копен сена, наличие конской упряжи). Для настоящего исследования важно,

⁸ Там же. Л. 1001.

⁹ Там же. Оп. 23. Д. 6230. Л. 560—714.

¹⁰ Там же. Оп. 3. Д. 94. Л. 934, 936.

**Структурно-поколенный состав крестьянских семей Поташинской волости
в 1805 г. (по данным подворной описи)**

Форма	Тип	Состав	Кол-во семей
Одиночки и малые семьи	1	Одинокие	2
	2	Супруги без детей	16
	3	Родители — нетрудоспособные дети	142
	4	Родители — трудоспособные и нетрудоспособные дети	36
	5	Родители — трудоспособные дети	4
	6	Вдова (вдовец) — нетрудоспособные дети	10
	7	Вдова (вдовец) — трудоспособные и нетрудоспособные дети	4

Итого . . . 214 (42,5)*

Семьи с двумя семейными ядрами

Неразделенная отцовская	8	Родители — нетрудоспособные дети — семья сына без детей	30
	9	Родители — трудоспособные и нетрудоспособные дети — семья сына без детей	10
	10	Родители — трудоспособные дети — семья сына без детей	3
	11	Родители — семья сына без детей	4
	12	Родители — нетрудоспособные дети — семья сына — внуки	25
	13	Родители — трудоспособные и нетрудоспособные дети — семья сына — внуки	5
	14	Родители — трудоспособные дети — семья сына — внуки	6
	15	Родители — семья сына — внуки	23
	16	Вдова (вдовец) — нетрудоспособные дети — семья сына без детей	6
	17	Вдова (вдовец) — трудоспособные и нетрудоспособные дети — семья сына без детей	2
	18	Вдова (вдовец) — семья сына без детей	5
	19	Вдова (вдовец) — нетрудоспособные дети — семья сына — внуки	9

Форма	Тип	Состав	Кол-во семей
	20	Вдова (вдовец) — трудоспособные дети — семья сына — внуки	4
	21	Вдова (вдовец) — семья сына — внуки	45
	22	Семьи редкого состава: Родители — сноха-солдатка — внуки	1
		Родители — сноха-вдова — внуки	1
		Вдовец — сноха-вдова — внуки	1

Семьи с тремя семейными ядрами

	23	Родители — нетрудоспособные дети — семья первого сына без детей — семья второго сына без детей	1
	24	Родители — трудоспособные и нетрудоспособные дети — семья первого сына без детей — семья второго сына без детей	1
	25	Родители — семья первого сына без детей — семья второго сына без детей	1
	26	Родители — нетрудоспособные дети — семья первого сына без детей — семья второго сына — внуки	10
	27	Родители — трудоспособные дети — семья первого сына без детей — семья второго сына — внуки	1
	28	Родители — семья первого сына без детей — семья второго сына — внуки	9
	29	Родители — нетрудоспособные дети — семья первого сына — внуки — семья второго сына — внуки	2
	30	Родители — трудоспособные дети — семья первого сына — внуки — семья второго сына — внуки	1
	31	Родители — семья первого сына — внуки — семья второго сына — внуки	10
	32	Вдовец — семья первого сына без детей — семья второго сына без детей	1

Форма	Тип	Состав	Кол-во семей
	33	Вдова — нетрудоспособные дети — семья первого сына без детей — семья второго сына — внуки	2
	34	Вдова — трудоспособные и нетрудоспособные дети — семья первого сына без детей — семья второго сына — внуки	1
	35	Вдова — трудоспособные дети — семья первого сына без детей — семья второго сына — внуки	2
	36	Вдова (вдовец) — семья первого сына без детей — семья второго сына — внуки	3
	37	Вдовец — трудоспособные дети — семья первого сына — внуки — семья второго сына — внуки	1
	38	Вдова (вдовец) — семья первого сына — внуки — семья второго сына — внуки	6
	39	Семьи редкого состава: Родители — семья первого сына — внуки — сноха-вдова — внуки	1
		Вдова — семья первого сына без детей — сын-вдовец — внуки	1
		Вдовец — семья первого сына — внуки — сноха-вдова — внуки	1

Семьи с четырьмя семейными ядрами

	40	Родители — нетрудоспособные дети — семьи трех сыновей — внуки (хотя бы в одной семье)	3
	41	Родители — трудоспособные дети — семьи трех сыновей — внуки (в одной семье)	1
	42	Родители — семьи трех сыновей — внуки (хотя бы в одной семье)	3
	43	Вдовец — семьи трех сыновей — внуки (хотя бы в одной семье)	2

Форма	Тип	Состав	Кол-во семей
	44	Семьи редкого состава: Вдова — семьи двух сыновей — внуки — сын-вдовец — внуки	1
<i>Семьи, включающие семьи внуков</i>			
	45	Родители — семья сына — внуки — семья внука без детей	1
	46	Вдова (вдовец) — семья сына — внуки — семья внука без детей	2
	47	Родители — трудоспособные дети — семья сына — внуки — семья внука — правнуки	1
	48	Семьи редкого состава: Вдовец — трудоспособные дети — сын вдовец — внуки — семья внука без детей Вдовец — сноха-вдова — внуки — семья внука — правнуки Вдовец — сноха-вдова — внуки — семья первого внука без детей — семья второго внука — правнуки Вдовец — дочь-вдова без детей — семья первого сына без детей — семья второго сына — внуки — семья внука — правнуки	1 1 1 1
Итого		253 (50,3)	
Неразделенная братская	49	Семья брата без детей — нетрудоспособные братья	2
	50	Семья брата без детей — трудоспособные братья	2
	51	Семья брата с детьми — трудоспособные братья	1
	52	Семья брата с детьми — семья брата без детей	4
	53	Семья первого брата с детьми — семья второго брата с детьми	11
	54	Семья первого брата с детьми — семья второго брата (полная или неполная) с детьми и внуками	4
Итого		24 (4,8)	

Форма	Тип	Состав	Кол-во семей
Сложная	55	Семья дяди с детьми — неженатый племянник	1
	56	Семья дяди с детьми — семья племянника с детьми	1
	57	Семьи (полные и неполные), включающие примаков (зятьев)	8
	58	Вдова с детьми (женатыми и неженатыми) — семья деверя с детьми	2

Итого 12 (2,4)
 Всего 503 (100,0)

* В скобках — % к итогу.

что в ведомостях указывался состав семей, проживавших в каждом доме. Благодаря этому можно установить структурно-поколенный состав семьи (см. таблицу), а также возраст ее членов, что при соответствующей обработке данных позволяет восстановить примерную картину развития крестьянской семьи, этапы ее жизненного цикла.

Данные, представленные в таблице, позволяют сделать вывод о том, что к моменту составления описи в деревнях Поташинской волости преобладали неразделенные семьи (57,5 % всех дворов). Наиболее распространенными при этом были неразделенные отцовские семьи. Среди них встречались семьи разных типов — с двумя, тремя и даже четырьмя семейными ядрами, но ясно, что предпочтение отдавалось все же семье с двумя ядрами (родительская с нетрудоспособными и трудоспособными детьми и сыновья с детьми и без них). В составе таких семей, как правило, оставались жить и овдовевшие родители: из 112 семей, включавших вдов и вдовцов, 72 — с двумя ядрами. Больших семей в собственном смысле этого слова, включающих родственников по прямой и не прямой линиям, в деревнях Поташинской волости не было, хотя несколько семей сложного состава, возникших на основе братских, имелось. Семья Никиты Чиркова в селении Поташинском, например, жила в одном доме с семьей племянника, очевидно, потерявшего родителей. С осиротевшим 15-летним племянником жил Федор Тетюев в деревне Березовка. В двух семьях вдовы с детьми продолжали жить в одном доме с деверем (братом мужа).

Приведем данные о размерах крестьянских семей Поташинской волости в 1805 г.:

Число душ муж. пола	Кол-во семей	% к итогу	Число душ обоего пола	Кол-во семей	% к итогу
1	68	13,5	1	2	0,4
2	132	26,2	2	20	4,0
3	147	29,2	3	35	7,0
4	89	17,7	4	61	12,1
5	39	7,8	5	87	17,3
6	20	4,0	6	96	19,1
7	3	0,6	7	62	12,3
8	3	0,6	8	50	9,9
9	2	0,4	9	34	6,7
			10	23	4,6
			11	16	3,2
			12	6	1,2
			13	4	0,8
			14	5	1,0
			15	1	0,2
			16	—	—
			17	1	0,2

Как видим, по своим размерам семья крестьян Поташинской волости была относительно невелика. В среднем на двор здесь приходилось около трех душ муж. пола и 6,3 душ обоего пола. Типичными при этом были семьи, включающие две — четыре души муж. пола (55,4 % всех дворов) или четыре — семь душ обоего пола (60,8 % дворов).

Условием нормального существования крестьянской семьи являлось наличие в ней работников — трудоспособных мужчин. Не были исключением в этом отношении и поташинские крестьяне. Лишь четыре семьи в волости не имели мужчин в возрасте от 16 до 60 лет. В некоторых случаях, правда, единственный в семье мужчина трудоспособного возраста оказывался негодным к работе из-за болезни или увечья. Но подобные семьи были исключением (четыре на всю волость).

Такое явление, как подворничество, достаточно широко распространено в то время в России, в деревнях Поташинской волости почти не встречалось. В описи отмечен лишь один случай: Елисей Захаров, холостой крестьянин 23 лет, проживал подворником у Филиппа Матвеева. Мало распространен был в этой волости и прием в семью примаков. В описях таких дворов всего восемь (1,6 %). После смерти главы семьи примак мог, очевидно, занять его место и даже стать владельцем дома. Описи Поташинской волости дают несколько таких примеров. Зятя Иван Черепанов из деревни Суханковой и Григорий Мартемьянов из Токаревой записаны владельцами домов, в которых продолжают жить вдовы бывших владельцев. Есть, однако, и противоположные примеры. Вдовы Марья Платизина из деревни Тюляшевой и Марья Русинова из Новой по описи являются

владелицами домов, где живут семьи их дочерей. Вообще же вопрос о правах наследования в уральской деревне изучен пока недостаточно и требует привлечения дополнительных источников.

Несмотря на все многообразие типов, ясно, что среди крестьян Поташинской волости преобладали двух- и трехпоколенные семьи. Трех- и четырехпоколенные семьи, включавшие женатых внуков и правнуков, были нетипичны и сохранялись лишь в исключительных случаях. Как правило, раздел семей происходил раньше момента женитьбы внука. Раздел большой крестьянской семьи и выделение из нее малой, одно- или двухпоколенной, были явлением, широко распространенным в изучаемый период во всех местностях России. В Поташинской волости эта форма семейной организации наблюдалась почти в половине крестьянских дворов. Однако, говоря о семье, надо прежде всего иметь в виду, что это организм развивающийся и проходящий на протяжении своего существования несколько стадий, которые принято называть этапами жизненного цикла. Статичная картина, составленная на основании простых статистических подсчетов, не в состоянии отразить историю семьи в ее развитии. Возникает вопрос о длительности пребывания семьи на данном этапе жизненного цикла. Ответ на этот вопрос позволил бы с большим основанием говорить о типичности той или иной формы семьи в уральской деревне. Очевидно, необходима какая-то иная методика обработки материала. М. Ю. Нечаева предположила, что каждый тип семьи может быть представлен как один из этапов ее жизненного цикла. Следовательно, выяснив возраст супругов на каждом из выделенных этапов (в каждом из типов семьи), мы получим представление о длительности пребывания семьи на данном этапе, о моменте ее перехода в другую форму, о времени зарождения семьи и ее исчезновения со смертью супругов, т.е. мы будем иметь вертикальный временной срез, позволяющий в какой-то мере восстановить историю семьи в ее развитии. Конечно, любая модель, составленная на основании таких расчетов, условна. Каждая семья развивается по-своему, подвергается влиянию каких-либо случайных факторов. Но ведущую тенденцию, типичную картину сменяемости этапов жизненного цикла в крестьянской семье, пользуясь такой методикой, получить можно.

Были составлены таблицы распределения мужчин и женщин всех возрастов по типам семьи. С помощью этих таблиц появилась возможность определить наиболее часто встречающийся для каждого возраста супругов состав семьи и получить представление о той возрастной границе, за которой, как правило, следовал переход крестьянской семьи к следующему этапу ее жизненного цикла (при подсчетах не учитывались семьи редкого, нетипичного состава, а также женщины, вступившие в брак вторично). Таких крупных этапов в развитии семьи у крестьян Поташинской волости оказалось четыре. Зарождалась

молодая семья, как правило, в составе отцовской неразделенной (см. типы 8, 12, 26 в таблице), причем наиболее часто встречаются на данном этапе семьи типа 8. Вступали в брак мужчины начиная с 15 лет, женщины — с 16; продолжался же первый этап у них до 24 лет. Средний возраст мужей на этом этапе 19—20, жен — 21 год. (Средний возраст супругов высчитывался для каждого типа семьи на данном этапе. Он может служить показателем времени наибольшего распространения определенного типа семьи в пределах этапа.)

В 25-летнем возрасте супругов типичной становилась уже малая семья типа 3, т. е. начинались разделы и выделение сыновних семей. Верхней возрастной границей этого этапа можно считать для мужчин 39 лет, для женщин — 41 год. А преобладать над остальными формами малая семья начинала примерно к 33 годам (средний возраст супругов на данном этапе). Достаточно широко распространенными на этом этапе остаются семьи типа 15 и 21, т. е. после разделов одна из сыновних семей, как правило, оставалась жить с родителями. В составе сыновней семьи продолжали жить и овдовевшие родители. Факты отдельного проживания престарелых супругов (старше 55 лет) чрезвычайно редки. Во всех деревнях Поташинской волости таких семей было только шесть (1,2%).

В возрасте 40 лет (мужчины) и 42 года (женщины) супруги вступали в следующий этап развития семьи, верхней границей которого можно считать для мужчин 56 лет, для женщин — 53 года. На этой стадии, которую можно назвать этапом зарождения нового семейного ядра в рамках отцовской семьи, в число наиболее распространенных вновь входят семьи типов 8 и 12 (см. таблицу). Продолжают оставаться типичными малые семьи с нетрудоспособными детьми; кроме того, появляются в большом количестве малые семьи, в которых есть и нетрудоспособные, и трудоспособные дети. Средний возраст мужей на данном этапе 44—48 лет, жен — 46—49.

Наконец, в возрасте 57 лет (мужчины) и 54 года (женщины) для супругов наступал последний этап их жизни в семье. Лишь небольшая часть их в этом возрасте продолжала жить в составе малой семьи. Начинали преобладать семьи типов 15 и 21 (см. таблицу). Средний возраст мужей на этом этапе 64—66 лет, жен — 63—66.

Попытаемся коротко охарактеризовать на основании этих расчетов типичную картину сменяемости этапов жизненного цикла в семье государственных крестьян Поташинской волости. Вступали в брак, как правило, в 19—20-летнем возрасте. При этом невесты были обычно старше женихов (в среднем на 1—2 года). Разница в возрасте могла быть и большей — до 20 лет. 15-летний сын Ивана Русинова из деревни Кургат, например, имел 25-летнюю жену. Но такие браки все же нельзя считать типичными. В 21,8% всех семейных пар супруги были одного

возраста. В 43,8 % случаев — жены старше мужей супругов на 1—5 лет, в 12,4 % — на 6—10 лет, и лишь в 1,2 % семей разница в возрасте была больше 10 лет.

Возникала молодая семья в рамках отцовской неразделенной семьи и примерно 13—14 лет существовала внутри нее. Лишь к 33 годам крестьянин отделялся от отцовской семьи, образуя собственную малую семью, в которой к тому времени уже были нетрудоспособные дети. Уходили эти годы, очевидно, на достижение определенного уровня хозяйственного достатка, который позволял отделиться. Причем в отцовской семье к тому времени появлялись уже и другие сыновние пары. Существование же семьи с тремя-четырьмя семейными ядрами, видимо, считалось нерациональным.

Через 11—15 лет самостоятельного существования в малой семье возникали собственные сыновние семьи, и супружеская пара, судьбу которой мы хотим проследить, вступала в новый этап своего жизненного цикла. Заканчивали свою жизнь престарелые родители, как правило, в семье сына.

Таким образом, почти вся жизнь крестьянина проходила в составе неразделенной семьи — сначала отцовской, потом своей собственной. Надо также иметь в виду, что даже в период наибольшего распространения малой семьи (на втором этапе жизненного цикла) существовало довольно значительное количество семей, которые не делились, продолжали жить с родителями. В возрасте 33—39 лет, например, 63 % всех мужчин жили малыми семьями. На протяжении же всего этапа (25—39 лет) в составе малых семей жили лишь 35,6 % мужчин; 0,3 % мужчин в этом возрасте жили одиночками; 30,2 — в составе отцовской семьи с двумя семейными ядрами; 6,3 — в семье с четырьмя ядрами; 0,9 — в семьях, где имелись женатые внуки; 8,8 % — в составе братских семей.

Семьи крестьян Поташинской волости в начале XIX в. по своему структурно-поколенному составу мало отличались от распространенных в это время в Европейской России и Западной Сибири форм. Можно отметить лишь незначительное преобладание неразделенных семей, что могло быть связано с условиями хозяйственной деятельности крестьян, их сезонной работой на заводах. Типичными были, очевидно, и этапы развития крестьянской семьи — от отцовской неразделенной к малой и вновь к отцовской. Однако этот вывод еще требует проверки материалами других источников.